

КНИГА СТИХОВ Т. КИБИРОВА «НА ПОЛЯХ “A SHROPSHIRE LAD”» КАК МЕТАТЕКСТУАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Екатерина Алексеевна Абросимова

кандидат филологических наук, доцент Омского государственного аграрного университета (Омск, Россия)
e-mail: abrosimova@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена книге стихов Тимура Кибирова «На полях “A Shropshire lad”» (2007), представляющей собой маргиналии (заметки на полях) к поэтическому циклу Альфреда Хаусмана «Шропширский парень» (1896).

Рассматриваются метатекстовые средства, с помощью которых Кибиров обозначает связь своих маргиналий со стихотворениями английского поэта, маркирует «свое» слово и формирует общее интертекстуальное поле на пересечении творчества Хаусмана, собственной поэзии и литературной традиции в целом. На основании обзора выделяются такие релевантные для настоящей работы характеристики метатекста, как вторичность по отношению к основному произведению и выражение авторского начала, демонстрация читателю творческого процесса.

При сопоставлении оригинальных стихотворений и маргиналий акцент делается на графическом и паратекстуальном уровнях книги стихов: анализируются заголовки, эпитафии, примечания, применение курсива, а также случаи смены языкового кода. Оставаясь верным своей творческой доминанте – тотальной интертекстуальности – Кибиров приводит своеобразный комментарий к каждому из 63 стихотворений Хаусмана так, чтобы читателю были заметны точки совпадения и расхождения русского и английского текстов. Делается вывод о своеобразии маркеров диалога между поэтическими циклами Хаусмана и Кибирова, о специфике показателей вторичности, которые усиливают авторское начало книги стихов «На полях “A Shropshire lad”».

Ключевые слова: Альфред Хаусман, Тимур Кибиров, метатекст, маргиналии, книга стихов, современная поэзия, «На полях “A Shropshire lad”».

Современная поэзия находит все более разнообразные способы освоения не только чужого слова, но и чужого медиа, обнаруживая самые различные возможности в использовании выразительных средств иных семиотических систем при создании нового произведения. Стихи встраиваются в гугл-карту [Самойлов 2015a] и календарь [Азарова], пишутся на открытках [Самойлов 2015b] и «поверх» других произведений (ремейки известных стихов в книге В. Кальпиди «Контрафакт» [Кальпиди]). Использование чужого медиа как субстрата для создания своего произведения становится конструктивным принципом организации не только текста, но и поэтического цикла, что демонстрирует тенденцию к «мышлению не отдельным стихотворением, а целой и целостной книгой-циклом, в которой, безусловно, возрастает роль авторского начала» [Кузьмина 2013: 355]. При этом авторы стремятся обозначить связь «своего» и «чужого» с помощью различных видов метатекстов и метатекстовых элементов: инструкций для читателя, предисловий, комментариев, сносок, а также эпиграфов, заголовков и т. д.

Одним из интереснейших, на наш взгляд, поэтических экспериментов, выполненных в подобном ключе, является книга стихов Т. Кибирова «На полях “A Shropshire lad”», написанная, по сути, «поверх» поэтического цикла английского поэта А. Хаусмана «Шропширский парень» (“A Shropshire lad”, 1896):

Т. Кибиров «вышивает свои узоры по канве» предшественника [Немзер: 126], и этой «канвой» для российского поэта становятся не только отдельные тексты стихотворений Хаусмана, но и сама книга стихов “A Shropshire lad” с ее структурой и графикой. Книга «На полях...» представляет собой своеобразный «метатекст в метатексте»: маргиналии сопровождаются своего рода автокомментариями, с помощью которых Кибиров раскрывает суть своего поэтического эксперимента.

В данной статье мы рассмотрим метатекстовые средства, с помощью которых Т. Кибиров демонстрирует связь своих маргиналий с циклом стихов «Шропширский парень».

Материалом исследования является поэтическая книга Тимура Кибирова «На полях “A Shropshire lad”», вышедшая в серии «Поэтическая библиотека» издательства «Время» (2007 г.) [Кибиров 2007]. Книга состоит из авторского предисловия, 63 стихотворений английского поэта А. Хаусмана, которые входят в цикл «Шропширский парень», и 63 текстов – «маргиналий» (заметок на полях): к каждому произведению Хаусмана приведен своеобразный вольный перевод Кибирова. Для сверки с оригиналом использовалось отдельное издание стихотворений А. Хаусмана [Housman 1917] на английском языке.

Исследования метатекста в филологических работах так или иначе связаны с поня-

тием текстовой гетерогенности и проявлением авторского начала текста [Вежбицкая, Шмелева]. Переплетения собственно текста с метатекстом «проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» [Вежбицкая: 402–421]; задачу метатекста исследователи видят в осмыслении и передаче процесса создания текста [Тугушева]. В русле коммуникативного подхода метатекст может рассматриваться как с позиции читателя (своеобразная инструкция для понимания произведения), так и с позиции творца (как «автокомментарий действий») [Шмелева].

Н.А. Фатеева доказывает, что «именно в поэтическом тексте “вклад” метатекста в текст имеет особую значимость, поскольку он напрямую определяется поэтической функцией языка...»; в стихотворном тексте, обладающем свойством автореферентности, «поэтическая и метаязыковая функции языка вступают в тесную интеракцию» [Фатеева: 6].

Виды метатекстов как вторичных речевых произведений многообразны: исследователи относят к их числу не только предисловия, комментарии, сноски, ссылки, но и переводы, реинтерпретации, в том числе со сменой семиотического кода, обсуждения, отзывы, научные статьи, пародии и анекдоты [Кузьмина 2011]. Средства реализации метатекста в художественном произведении, по-видимому, не могут быть пе-

речислены в виде конечного списка и определяются индивидуальным стилем: по сути, любой элемент стихотворения может выполнять функцию метатекста, устанавливая связь между текстами. Т.В. Шмелева отмечает, что помимо собственно вербальных средств метатекст может выражаться с помощью цифр, алфавитного порядка, деления на абзацы, шрифтового выделения и т. д. [Шмелева]. М.Ю. Лотман также подчеркивает важность невербальных средств при анализе метатекста: «К метауровню текста относятся все графические элементы, которые Ю.Н. Тынянов называл «эквивалентами текста»: сложная система нумерации строф с ее подлинными и мнимыми пропусками, замены текста многоточиями и пр.», а также иллюстрации [Лотман: 41]. Взгляд на произведение как на целостный феномен, прочтение которого направляется автором, часто сопровождается исследованием паратекста. Ж. Женетт определяет паратекст как комплекс элементов, задающих рамку восприятия (имя автора, заголовки, эпиграфы, посвящения и т. д.) – «знаки того, каким образом следует читать основной текст, то есть знаки авторской (и издательской) воли» [Зенкин: 17].

В.В. Балабин, рассматривая типы межтекстовых отношений, отмечает, что определение метатекстуальности (по сравнению, например, с гипер- и архитекстуальностью) представляется расплывчатым:

«...Метатекст как соотношение со своими предтекстами фактически дублирует понятие интертекстуальности, за одним исключением – интертекстуальная связь “выражена явно”, метатекст скрыт от читателя». [Балабин: 80]

Основанием отделения метатекстуальности от интертекстуальности, по наблюдению исследователя, становится их различная реализация: «Интертекст имеет свои языковые формы проявления в виде слов, фраз, цитат, принадлежащих ранее кому-то или текстовых аллюзий, относящих нас к некоторым определенным текстам. Метатекст фактически не проявляется, а додумывается, интерпретируется, выражаясь в языке, следуя вышеприведенной логике, в различных дополнительных комментирующих ссылках» [Там же: 80].

К настоящему времени существует множество определений метатекста: «связь двух или более текстов в виде комментирующей и часто критической ссылки на предшествующий текст» [Женетт: 213], «один из типов межтекстового взаимодействия, в результате которого происходит тематизация одного текста (претекста) в другом (метатексте)» [Stocker: 49–72] (цит. по: [Жолобова: 131]); согласно семиотическому подходу, метатекст является кодом для понимания текста, это «авторское повествование об авторском повествовании» [Лотман: 41]. При этом исследователи сходятся во мнении, что метатекст, во-первых, пред-

ставляет собой вторичный по отношению к основному тексту феномен, а во-вторых, служит средством выражения авторского начала. В анализируемой книге стихов принципиально важны обе эти позиции: современный российский поэт пишет книгу на полях книги английского поэта XIX в., при этом демонстрируя читателю творческий процесс, согласие и спор как с самим прототекстом, так и с его автором.

В предисловии к книге «На полях...» Т. Кибиров подчеркивает, что его книга – не перевод (вслед за Набоковым он считает Хаусмана непереводаемым поэтом), а именно маргиналии – заметки на полях, и описывает двоякое, противоречивое чувство к стихам английского поэта: с одной стороны, «читательский восторг», а с другой – желание «спорить и склочничать, с бурным протестом против идеологии автора» [Кибиров 2007: 6]. Из этого противоречия поэт выводит объяснение собственного творческого замысла: «вдохновленный совершенством плана выражения и раздраженный планом содержания <...> на полях этой великой книги попробовал выразить как восхищение и любовь к чудесному поэту и несчастному человеку, так и несогласие с его некрофильской пропагандой». <...> ...если воспользоваться набоковским определением “A Shropshire lad”: книга о молодых мужчинах и смерти, то моей целью было написать на ее полях книжку о немолодом мужчине и жизни» [Там же: 7–8]. В предисловии Кибиров акцентирует внимание и на необычайной впи-

санности Хаусмана в поэтическую и литературоведческую традицию, называя множество имен: Пушкин, Ходасевич, Гаспаров, Есенин, Бродский, Асадов, Набоков... и т. д.

При этом формально кибировский цикл стихов выглядит как перевод: к каждому из 63 стихотворений написана маргиналия, чаще всего повторяющая графику текстов англий-

ского поэта¹. Книга Кибирова сверстана таким образом, что с десятой страницы (после авторского предисловия) на 63 книжных разворотах сборника (по числу стихотворений в цикле «Шропширский парень») слева расположено произведение Хаусмана на английском языке, а справа – строки Кибирова на русском (Рис. 1):

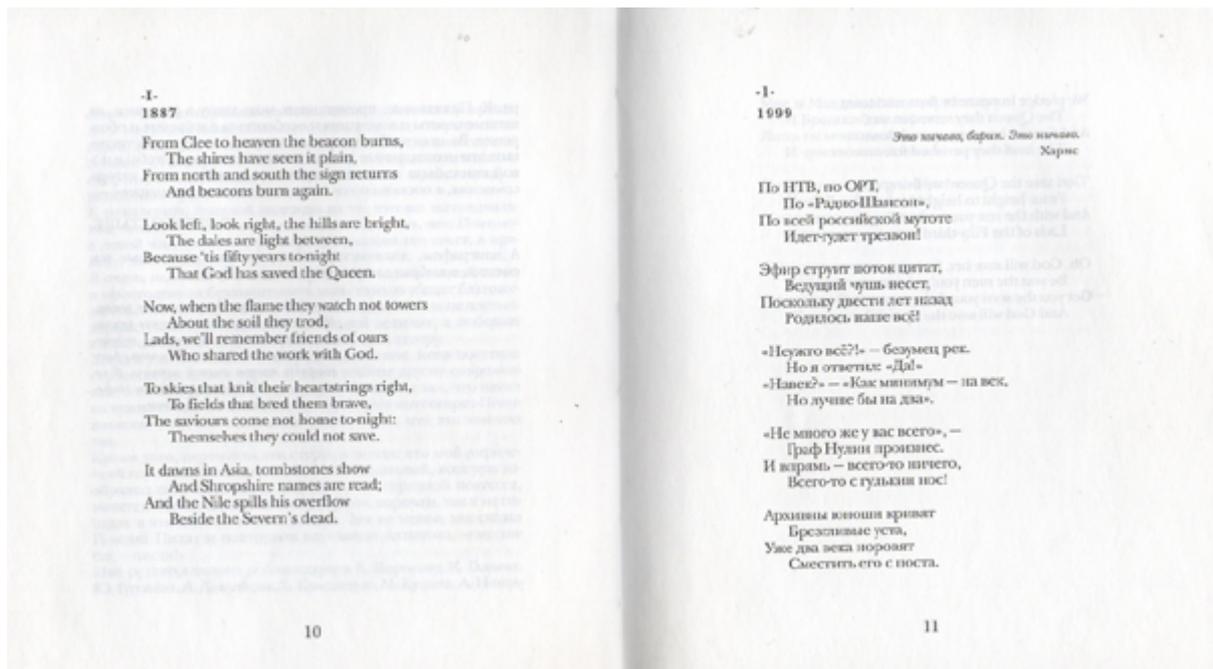

Рис. 1. Разворот книги «На полях...»: слева расположено стихотворение Хаусмана, а справа – маргиналия Кибирова

¹ Сборник «На полях...» имеет идентичное оформление (формат, оформление обложки, устройство книжного разворота) с двуязычной книгой стихов того же издательства («Время»), в которой представлен дуэт автора и переводчика.

Случаи нарушения этого порядка сразу привлекают читательское внимание и маркируют «узловые точки» поэтического эксперимента Кибирова, ставят тот или иной текст или его фрагмент в «сильную» позицию. Метатекстовые способы маркировки расхождений и сближений маргиналий Кибирова с книгой стихов «Шропширский парень» и стали основным предметом нашего анализа.

В цикле Хаусмана «Шропширский парень» каждое из 63 стихотворений имеет свой порядковый номер, обозначенный латинской цифрой от I до LXIII. Кибиров также нумерует свои тексты, но уже арабскими цифрами от 1 до 63. Каждое английское стихотворение, таким образом, расположено напротив соответствующей ему маргиналии. В «Содержании» также соблюден этот принцип: слева находятся пронумерованные заголовки или первые строки стихов Хаусмана, а справа – Кибирова. На фоне такой строгой структуры даже не знающему английского языка читателю видны соответствия и несоответствия, связанные с графическим обликом стихотворений. Как нам представляется, элементы схождения и расхождения можно рассматривать как метатекстовые маркеры, акцентирующие, с одной стороны, вторичность текстов, а с другой – точки авторского «включения» Кибирова в хаусмановский оригинал. Рас-

смотрим случаи связанных с графикой и паратекстом соответствий и несоответствий подробнее на примере названий, эпитафий, примечаний, смены английского и русского языков, текстовых выделений (курсива).

Заголовки. Из 63 стихотворений Хаусмана 17 имеют названия, тогда как у Кибирова озаглавлены 29 маргиналий. Интересно, что, если английский поэт давал своему стихотворению заголовок, кибировский текст получал его в ста процентах случаев. При этом в 12 маргиналиях присутствуют заголовки, несмотря на их отсутствие в соответствующих хаусмановских оригиналах. Названия, данные Кибировым к таким маргиналиям, часто содержат слова с семантическим компонентом «вторичность» (*аналогия, мотив, апроприация* и др.): «По аналогии» (8), «Гетеросексуальная апроприация» (38), «Подстрочник» (63), «Вариации» (44), «Идентификация» (18), «Эквивалент текста» (52).

Если у Хаусмана стихотворение имело название, Кибиров всегда озаглавливает свой «перевод» таким образом, чтобы заголовок маргиналии грамматически и семантически перекликался с оригинальным названием. Так, XIX стихотворение Хаусмана “*To an athlete dying young*” («Атлету, умершему молодым»¹) соответствует маргиналия, которая названа «Моей бабушке, Залеевой Р.В.»

¹ Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, подстрочный перевод наш – Е. А.

(оба поэта используют независимые формы дательного падежа без предлога, маркирующие посвящение какому-то лицу). Заголовок XXIX текста “The Lent Lily” («Постная лилия», или «Дикий нарцисс») перекликается с 29 маргиналией «Незабудка» (Кибиров меняет вид полевого цветка, трансформируя ключевой образ стихотворения), а LVI “The Day of Battle” («День битвы») – с 56-м текстом «Дезертир» (Кибиров использует практически антоним оригинальному названию). Стихотворение Хаусмана под номером I имеет название в виде даты – «1887» (английский поэт пишет его через 50 лет после начала правления королевы Виктории: “Because ‘tis fifty years to-night / That God has saved the Queen” [Кибиров 2007: 10] («Потому что сегодня 50 лет, как Бог хранит Королеву»). В соответствующей маргиналии Кибирова «1887» превращается в «1999» – год двухсотлетия Пушкина («Поскольку двести лет назад родилось наше все») [Там же: 11.]. К стихотворению IV “Reveille” («Побудка») Кибировым написаны строки под названием «Зимнее утро»:

Затрещал во мгле мобильник.
 Не тревожься, дурачок, –
 Это функция ‘будильник’,
 А не чей-нибудь звонок.

Некому звонить так рано.
 На хрен нужен ты кому?

Руку протяну с дивана,
 Кнопку среднюю нажму.

Через семь минут повторно
 Эти трели сон прервут
 И опять замрут покорно
 Все на те же семь минут.

И смотрю я на халяву
 Сны такие – ого-го!
 Нет, не то, что ты представил.
 Впрочем, и не без того.

Ну еще на семь минуток!
 Ну еще – в последний раз!..
 Слишком темен, слишком жуток
 Поздний пробужденья час.

Наступают триумфально,
 Обступают дурака
 Объективная реальность,
 Субъективный день сурка.
 [Там же: 21]

Кибировское название сразу отсылает к пушкинскому тексту: это аллюзия к известнейшим строкам «Еще ты дремлешь, друг прелестный, – / Пора, красавица, проснись: / Открой сомкнуты негой взоры». Кибиров, строго соблюдая расположение строф и строк, отходит от размера оригинала, меняя его на четырехстопный хорей и сближая свой текст с еще одним пушкинским произ-

ведением – «Зимняя дорога». В таком контексте будильник / мобильник Кибирова («за-трещал во мгле мобильник») ассоциируется с «колокольчиком однозвучным» Пушкина.

Эпиграфы. В оригинальном цикле «Шропширский парень» лишь одно стихотворение (обозначенное номером L) имело эпиграф, по-видимому, созданный самим Хаусманом: “Clunton and Clunbury, Clungunford and Clun, Are the quietest places Under the sun” [Там же: 150] («Клантон и Кланбери, Кланганфорд и Клан – самые тихие места под солнцем»). Эти строки частично повторяются и в основном тексте стихотворения: “In valleys of springs of rivers, / By Ony and Teme and Clun, / The country for easy livers. / The quietest under the sun...” [Там же: 151] («В долинах истоков рек, / Вдоль Они, и Тима, и Клана, / Страна для беззаботных людей, / Самая тихая под солнцем»). Исследователи отмечают, что для поэзии Хаусмана характерно обращение к идиллическому природному пространству Шропшира, которое противопоставляется урбанистическому лондонскому [Волошиновская]. В последней строфе стихотворения говорится о месте еще более далеко и тихом, связанном с иным бытием. 50-я маргиналия Кибирова, относящаяся к этому стихотворению, также начинается с эпиграфа – известных практически каждому российскому читателю строк, выражающих любовь к родному краю: «То березка,

то рябина, / Куст ракиты над рекой. / Край родной, навек любимый, / Где найдешь еще такой» [Кибиров 2007: 151]. Кибиров имитирует композицию соответствующего хаусмановского текста и начинает стихотворение также с описания пространства, формально обладающего характеристиками *солнечное* и *тихое*: «В дремотной тиши гарнизона / Солнечногорска-7 / В июле, во время оно / Я не был счастлив совсем» [Там же: 151]. Примечательно, что топоним «Солнечногорск-7» символичен для кибировского творчества и несет целый пучок индивидуально-авторских смыслов, которые раскрываются читателю только после знакомства с биографией (в Солнечногорске располагалась военная часть, где служил отец Кибирова, соответственно, семья жила в этом городе) и другими произведениями поэта (ср. сопоставление Солнечногорск – Город Солнца и Солнечный Город в поэме «Сквозь прощальные слезы» [Кибиров: 2005]: «Город Солнца и Солнечный Город, / Где Незнайка на кнопочки жал, – Все закончено. В Солнечногорске / Строят баню и автовокзал. / В парке солнечногорском на танцах / Твой мотив не канает, земляк!» [Кибиров 1993: 151]). Кибиров продолжает выстраивать своеобразный аналог хаусмановского идиллического пространства при помощи интертекстуальных знаков: одна из строк его стихотворения является почти точной цитатой из стихотворения Е. Баратынского «Чудный

град порой сольется», далее же поэт обращается к труду Аврелия Августина «*О граде Божьем*»: «Град юный и самый древний, / Писал Августин о нем...» [Кибиров 2007: 151].

Если единственный эпитафия оригинального «Шропширского парня» принадлежит самому Хаусману, то интертекстуальные эпитафии, кроме уже рассмотренного «То березка, то рябина...», атрибутированы, обозначен автор прототекста: Хармс (1), Вурон (8), А. Фет (58). Но, несмотря на то, что после эпитафий стоят фамилии поэтов, конкретный источник Кибиров не указывает. Так, например, строки «"Если б муки эти знал, / Чуял спозаранку" А. Фет» [Там же: 171], по-видимому, судя по множественному числу слова муки, взяты из известной песни на стихи Фета, а не из собрания его сочинений, тем более что в последних строках лирический герой Кибирова *исполняет романс*. С другой стороны, по-видимому, Кибиров «помнит», что это раннее стихотворение Фета: акцентируются смыслы *юность, романтика*: «бежал из дома», «тринадцать мальчишеских лет»; кроме того, книга Фета попадает в ряд с книгами *Блока и Гёте*: «В портфеле было три тома – / А. Блок, И.-В. Гете, А. Фет» [Там же].

Байроновская цитата, приведенная в эпитафии маргиналии номер 8 – «"Farewell, Farewell my native land" Вурон» [Там же: 33]. («"Прощай, прощай, моя родная земля"

Байрон»), также может отсылать к нескольким произведениям: «Farewell (Прощай) (Из Байрона)» Лермонтова («Прости! Коль могут к небесам»), байроновским стихотворениям "Farewell! If Ever Fondest Prayer!" («Прощай! Если когда-либо самая горячая молитва») или "Adieu, Adieu! My Native Land" («Прощай, прощай, моя родная земля») из «Паломничества Чайльд-Гарольда». По-видимому, в таких моментах проявляется характерная черта поэтики Кибирова – использование узнаваемых цитат как «своего» слова, что подчеркивает вписанность кибировских строк в литературную традицию.

Курсив. Хаусман в «Шропширском парне» использует курсив лишь два раза: в стихотворениях L (для выделения эпитафии) и XXXIV "The new mistress" («Новая возлюбленная») – курсивом выделены слова лирической героини, с которых начинается текст. Кибиров, следуя графике английского поэта, также выделяет курсивом эпитафии и слова героини (в 34-й маргиналии, соответствующей XXXIV тексту "The new mistress").

При этом использование курсива в текстах Кибирова гораздо разнообразнее, чем в оригинале. Так, в маргиналии номер 22, посвященной самому Хаусману, Кибиров выделяет местоимение «он», относящееся к английскому поэту: «Ну почему не Честертон, / Не Донн, не Вальтер Скотт?! / С какого перепугу *он* / К себе меня влечет?» [Кибир-

ров 2007: 69]. 46-я маргиналия под названием «Ритуальные услуги» соответствует лаконичному хаусмановскому стихотворению о могиле, на которую лирический герой советует приносить лишь то, что уже не оживет весной, не расцветет. Кибировский «перевод», относящийся к этому стихотворению, представляет собой сотканный из различных интертекстуальных знаков текст; причем курсивом в нем выделены цитаты, которые лирический герой стихотворения предлагает написать на своей могиле в качестве творческого завещания:

Продолжим. В землю закопать,
А после надпись написать.
Скорбь выразить в таких словах:
*«Покойся, милый вертопрах,
До радостного...»* Или нет!
Цитируйте “A Shropshire lad”:
*“Smart lad, to slip betime away
From fields where glory does not stay!”*
Да нет, не то, совсем не в масть...
Придется все-таки украсть
Ту надпись на чужой плите.
Пишите так: *«Кибиров Т.»*,
Ну, дальше даты, а затем,
Под фоткой: *«Пусенька, зачем?!»*
Да, все вы взвоете *«зачем?!»* –
Но я останусь глух и нем!..
Ну ладно. Продолженье впредь.
Ох, непростое дело смерть.
[Там же: 137].

С помощью таких цитат Кибиров в буквальном смысле создает общее интертекстуальное поле между русской литературной традицией, самим собой и Хаусманом.

Смена языкового кода. На большинстве разворотов книги «На полях...» оригинальные английские тексты расположены строго напротив русских, чтобы их соответствие легко устанавливалось читателем, даже не владеющим английским языком. Случаи отступления от принципа последовательной смены языка становятся визуально маркированными. Например, 38-я маргиналия Кибирова написана на английском языке, за исключением названия, данного на русском, – «Гетеросексуальная апроприация» – и почти полностью идентична соответствующему хаусмановскому стихотворению под номером XXXVIII. Отличие от оригинала заключается лишь в том, что российский поэт последовательно заменяет несколько слов и грамматических форм (выделяя свои изменения курсивом), так, чтобы акцентировать отказ от возможного гомосексуального мотива Хаусмана. Так, “My friends” меняется на “My girl”, “lads” на “girl”, “their” на “her”: “It fanned their temples, filled their lungs / Scattered their forelocks free” [Там же: 110]. («Он дул на их виски, наполнял их легкие, разбрасывал челки») на “It fanned her temples, filled her lungs, / Scattered her forelock free” [Там же: 111]. («Он дул на ее виски, наполнял ее легкие, разбрасывал ее челку»).

Последняя строка уже рассмотренной ранее 22-й маргиналии написана на английском: это обращение к самому Хаусману. Соответствующее оригинальное стихотворение под номером XXII посвящено солдату, с которым лирический герой случайно встречается глазами. В кибиrowsком «переводе» на месте солдата оказывается фигура английского поэта: звуковой образ гула солдатской поступи в оригинальном стихотворении заменяется перечислительным рядом других английских творцов («Ну почему не Честертон, / Не Донн, не Вальтер Скотт??»). Следующие строки Хаусмана запечатлевают сам зрительный контакт лирического героя и солдата, духовное родство, что подчеркивается местоимениями *his, he, me, tu (man), we, you and I*. В кибиrowsкой версии нет именно момента зрительного контакта героев: с помощью стилистически контрастных языковых средств сразу описывается тяга лирического субъекта к персонажу («С какого перепугу он / К себе меня влечет? / На кой мне этот пессимизм, / И плоский стоицизм, / И извращенный эротизм, / И жалкий атеизм?») [Там же: 69]. Перечисление слов на –изм, по-видимому, является отсылкой к одной из немногочисленных в нашей стране переводческих работ, посвященной Хаусману (в предисловии к сборнику Кибиrows упоминает ее как не вполне удачную попытку перевода «Шропширского парня»): «Атеизм Хаусмана со-

четається с суровым стоицизмом древних» [Кружков]. В собственном же вступлении-комментарии Кибиrows пишет также о пессимизме Хаусмана [Кибиrows: 6]. Возможно также, что эти –измы в стихотворении используются и в традиционном для творчества Кибиrowsа «присваивании» поэтического языка предшественников (ср., например, стихотворение Высоцкого «Те, кто выжил в катаклизме, пребывает в пессимизме, их вчера в стеклянной призме к нам в больницу привезли» [Высоцкий: 209–210]). Как и подлинник, вариация наполнена местоимениями (*он, меня, к себе, мне, я, ты*), однако, в отличие от текста Хаусмана, среди них нет мы: герои находятся в разных мирах. В последней строке Кибиrows меняет лишь обращение: *soldier* (солдат) превращается *professor* (Хаусман был известным ученым-латинистом и университетским преподавателем) – и на английском языке обращается к самому поэту его же собственными словами.

В маргиналии под номером 13 Кибиrows также отстывает от русского языка: она является буквальным продолжением соответствующего стихотворения из «Шропширского парня» (маргиналия представляет собой ответ лирического героя Кибиrowsа лирическому герою Хаусмана) и полностью написана на английском языке.

Приведем оригинальный текст стихотворения XIII:

When I was one-and-twenty
 I heard a wise man say,
 Give crowns and pounds and guineas
 But not your heart away;
 Give pearls away and rubies
 But keep your fancy free.
 But I was one-and-twenty,
 No use to talk to me.
 When I was one-and-twenty
 I heard him say again,
 The heart out of the bosom
 Was never given in vain;
 'Tis paid with sighs a plenty
 And sold for endless rue.
 And I am two-and-twenty
 [Кибиров 2007: 46].

(Когда мне был двадцать один год, / Я услышал совет мудрого человека: / «Отдай кроны, и фунты, и гинеи / Но не отдавай своего сердца. / Отдавай жемчужины и рубины, / Но будь свободным» / . Но мне был двадцать один год / Бесполезно было мне это говорить. / Когда мне был двадцать один год, / Я услышал его снова: / «Сердце из-за пазухи / Никогда не отдают даром; / За это платят многими вздохами и продают за бесконечное сожаление». / И мне двадцать два / И о, это правда, это правда).

Маргиналия Кибирова представляет собой ответ этому двадцатидвухлетнему английскому юноше:

– Sir, I am one-and-fifty,
 I'm wise enough and then

For all my ill experience,
 For all twoscore and ten –
 I must say to the youth:
 'Tis true, but not the Truth!
 [Там же: 47].

(– Сэр, мне пятьдесят один год, / Я достаточно мудр и затем / При всем моем болезненном опыте, / В мои пятьдесят / Я должен сказать молодежи, / Это правда, но не Истина!).

Любопытно, что Кибиров использует формальные маркеры хаусмановского стиля, среди которых сокращение 'Tis (вместо It is), а также составное обозначение возраста: “all twoscore and ten” у Кибирова – пятьдесят (ср. “threescore years and ten” у Хаусмана во втором стихотворении цикла «Шропширский парень» – семьдесят).

Сноски. В оригинальном цикле «Шропширский парень» дважды встречается знак «звездочка», маркирующий сноску; и обе хаусмановские сноски получают своеобразную реакцию в соответствующих кибировских маргиналиях. Так, в стихотворении IX сноска поясняет метафору, употребленную во второй строфе:

A careless shepherd once would keep
The flocks by moonlight there,*
 And high amongst the glimmering sheep
 The dead man stood on air.

Вот так же раньше свет луны
 Оберегал овец,
 И неподвижно с вышины
 На них взирал мертвец (перевод А. Белякова) [Хаусман: 5].

*Note: hanging in chains was called “keeping sheep by moonlight” (Повешенного в цепях называли овцой под охраной лунного света).

Кибиров во второй строфе соответствующей маргиналии также использует сноску, которая раскрывает значение аббревиатуры МОПИ – Московский педагогический институт имени Н.К. Крупской. Сноска в маргиналии располагается на одном уровне со сноской в соответствующем оригинальном тексте, что подчеркивает вторичность кибировского «перевода».

В стихотворении Хаусмана под номером XXI BREDON* HILL знак «звездочка» поставлен в названии: он указывает на правильное произношение топонима (“Prononce Bridon”), важное для рифмы и фоники. Кибиров в соответствующей маргиналии 21 не сохраняет оригинального примечания (что является исключительным случаем: графически маркированные элементы практически всегда воспроизводятся поэтом), однако, как бы демонстративно следуя указанию Хаусмана, называ-

ет свой текст БРИДОН-ХИЛЛ, причем акцентированный в оригинальном тексте звук [И] поддерживается изображенным Кибировым звуком колоколов, который доносится с вершины Бридон-Хилла: «Приидите, миряне, / Приидите во храм!» [Кибиров 2007: 65].

С другой стороны, сноски могут устанавливать связи между собственными произведениями Кибирова. Так, маргиналия 28 под названием OFF TOP содержит размещенное прямо в тексте примечание, отсылающее, по видимому, к первому стихотворению цикла – «См. черновики “1999”». Название OFF TOP (от англ. off topic – сообщение, выходящее за рамки темы) и ссылка именно на первый текст связаны с посвящением этих стихотворений Пушкину и «пушкинским текстом» Кибирова в целом (ср. эпитафия ко всей книге «На полях...», размещенный в конце предисловия:

«А эпитафией, долженствующим упредить возможные насмешки, я выбрал следующую цитату Пушкина: “Предвижу улыбку на многих устах. Многие, сближая мои калмыцкие нежности с черкесским негодованием, подумают, что не всякий и не везде имеет право говорить языком высшей истины. Истина, как добро Мольера, там и берется, где попадается”» [Кибиров 2007: 9]¹.

¹ Любопытно, что данный эпитафия является цитатой из ранних редакций «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года»: ранние редакции Пушкина перекликаются с отсылкой к черновикам самого Кибирова.

Итак, с помощью метатекстовых средств Кибиров, с одной стороны, демонстрирует диалог между произведениями, а с другой – акцентирует внимание на «своем» слове. Основывая свою книгу на цикле английских стихов с совсем небольшим количеством эксплицитных метатекстовых элементов¹, российский поэт использует заголовки, эпиграфы, курсив, примечания, переход на другой язык как маркеры диалога, вторичности, которые усиливают авторское начало книги «На полях...».

Литература

- Азарова, Н. Календарь. Книга гаданий. М.: ОГИ, 2014.
- Балабин, В.В. Метатекстуальность и интертекстуальность в исследовании дискурса // Вестник МГИМО – Университета. Серия: Филология. 2008. № 2. С. 77–92.
- Вежбицкая, А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.
- Волошиновская, И.И. Идиллические аспекты организации пространства в поэзии А.Э. Хаусмена // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. № 10(1). С. 88–97.
- Высоцкий, В. Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевидное – невероятное» из сумасшедшего дома с Канатчиковой дачи (1977) // Собрание сочинений в 4 томах. М.: Время, 2009. Т. 2. Песни, 1971–1980.
- Женетт, Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени. М.: Научный мир, 1982.
- Жолобова, Ю.С. Возможные подходы к определению понятия метатекстуальности // Известия алтайского государственного университета. 2021. № 2–1 (74). С. 131–133.
- Зенкин, С Преодоленное головокружение: Жерар Женетт и судьба структурализма // Женетт, Жерар. Фигуры. В 2 томах. Т. 1–2. М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. С. 5–58.
- Кальпиди, В. Контрафакт. М.: АРГО-РИСК, Книжное обозрение, 2010.
- Кибиров, Т. На полях “A Shropshire lad”. М.: Время, 2007.
- Кибиров, Т. Сантименты. Восемь книг. Белгород: Издательство «Риск», 1993.
- Кружков, Г. «Парень из Шропшира» и его тихие песни // Четыре стихотворения [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2006/6/chetyre-stihotvoreniya-5.html> (дата обращения 05.01.2021).
- Кудрявцев, Д. Имена собственные. М.: Время, 2006.

¹ «Он (Хаусман) умеет производить максимальный эффект минимальными средствами – черта великой поэзии...» (Эдит Несбит, цит. по [Кружков]).

Кузьмина, Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/755> (дата обращения 10.05.2021).

Кузьмина, Н.А. Креативный потенциал книжной формы (современная авторская книга стихов) // Лингвистика креатива-1. Коллективная монография / под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2013. С. 346–368.

Лотман, М.Ю. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучении текста. Тарту: издательство Тартуского государственного университета, 1975.

Немзер, А. Дневник читателя. Русская литература в 2007 году. М.: Время, 2008.

Самойлов, А. Маршрут 91. Книга стихотворений в открытках [Электронный ресурс], 2015. URL: https://vk.com/album7157729_223822858 (дата обращения: 04.05.2021).

Самойлов, А. Книга стихотворений [Электронный ресурс], 2015. URL: https://www.google.com/maps/d/u/0/viewer?mid=14n_LJDOFVgiuXNHE_V43P63huQM&ll=55.16078688316287%2C61.336009497764636&z=11 (дата обращения: 04.05.2021).

Тугушева, Э.Ф. Метапоэтика А.Г. Битова: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011.

Фатеева, Н.А. Поэзия как филологический дискурс. М.: Языки славянской культуры, 2017.

Хаусман, А. Избранные произведения. Москва: Водолей Publishers, 2006.

Шмелева, Т.В. Метатекст // Эффективное речевое общение. Словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: изд-во Сибирского федерального университета, 2014. С. 307–308.

Housman, A.E. (1917). *A Shropshire lad*. New York: John Lane.

Stocker, P. (1998). *Theorie der intertextuellen Lektüre: Modelle und Fallstudien*. Paderborn; München; Wien; Zürich; Schöningh.

References

Azarova, N. (2014). *Kalendar'. Kniga gadanij* [Calendar. Fortune-telling book.]. Moscow: OGI.

Balabin, V.V. (2008). *Metatekstual'nost' i intertekstual'nost' v issledovanii diskursa* [Metatextuality and intertextuality in the study of discourse]. *Vestnik MGIMO – Universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of MGIMO University. Series: Philology], 2, 77–92.

Fateeva, N.A. (2017). *Poeziya kak filologicheskij diskurs* [Poetry as a philological discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Genette, G. (1982). *Palimpsesty: literatura vo vtoroj stepeni* [Palimpsests: literature in the second degree]. Moscow: Nauchny mir.

Housman, A. (2006). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Vodoley Publishers.

Housman, A.E. (1917). *A Shropshire lad*. New York: John Lane.

Kal'pidi, V. (2010). *Kontrafakt*. [Counterfeit]. Moscow: ARGO-RISK, Knizhnoe obozrenie.

Kibirov, T. (1993). *Santimenty. Vosem' knig*. [Sentiments. Eight books]. Belgorod: Izdatel'stvo Risk.

Kibirov, T. (2007). *Na polyakh "A Shropshire lad"* [On the margins of "A Shropshire lad"]. Moscow: Vremya.

Kruzhkov, G. (2006). "Paren' iz Shropshira" i ego tihie pesni ["A Shropshire lad" and his quiet songs]. *Inostrannaya Literatura* [Foreign literature], 6. Retrieved from: <https://magazines.gorky.media/inostran/2006/6/chetyre-stihotvoreniya-5.html> (date of access: 05.01.2021).

Kudryavtsev, D. (2006). *Imena sobstvennyye* [Proper names]. Moscow: Vremya.

Kuz'mina, N. A. (2011). *Intertekstual'nost' i precedentnost' kak bazovye kognitivnye kategorii mediadiskursa* [Intertextuality and precedence as basic cognitive categories of media discourse]. *Elektronnyj Nauchnyj Zhurnal «Mediaskop»* [Electronic scientific journal "Mediascope"], 1. Retrieved from: <http://www.mediascope.ru/node/755> (date of access: 10.05.2021).

Kuz'mina, N.A. (2013). Kreativnyj potencial knizhnoj formy (sovremennaya avtorskaya kniga stihov) [The creative potential of the book form (modern author's book of poetry)].

In T.A. Gridina (Ed.), *Lingvistika kreativa-1. Kollektivnaya monografiya* [Linguistics of creativity-1. Collective monograph]. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural State Pedagogical University, 346–368.

Lotman, M.Yu. (1975). *Roman v stihakh Pushkina "Evgenij Onegin"*. *Spekurs. Vvodnye lekii v izuchenii teksta* [A novel in poems by Pushkin "Eugene Onegin". Special course. Introductory lectures on the study of the text]. Tartu, University of Tartu.

Nemzer, A. (2007). *Dnevnik chitatelya. Russkaya literatura v 2007 godu* [Reader's diary. Russian literature in 2007]. Moscow: Vremya.

Samojlov, A. (2015). *Marshrut 91. Kniga stihotvorenij v otkrytkah* [Route 91. The book of poems in postcards]. Retrieved from: https://vk.com/album7157729_223822858 (date of access: 04.05.2021).

Samojlov, A. (2015). *Marshrut 91. Kniga stihotvorenij* [Route 91. The book of poetry]. Retrieved from: https://www.google.com/maps/d/u/0/viewer?mid=14n_LJDOFVgiuXHhE_V43P63huQM&ll=55.16078688316287%2C61.336009497764636&z=11 (date of access: 04.05.2021).

Shmeleva, T.V. (2014). *Metatekst* [Metatext]. In A.P. Skovorodnikov (Ed.), *Effektivnoe rechevoe obshchenie. Slovar'-spravochnik* [Effective speech communication. Reference dictionary]. Krasnoyarsk: Publishing House of the Siberian Federal University, 307–308.

Stocker, P. (1998). *Theorie der intertextuellen Lektüre: Modelle und Fallstudien* [Theory of

intertextual reading: models and case studies]. Paderborn; München; Wien; Zürich; Schöningh.

Tugusheva, E.F. (2011). *Metapoetika A.G. Bitova* [Metapoetics of A.G. Bitov] (Doctoral Dissertation, Saratov State University, Saratov).

Voloshinovskaya, I.I. (2018). *Idillicheskie aspekty organizatsii prostranstva v poezii A.E. Khausmena* [The idyllic space in the poetry of A.E. Housman]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiyskaya i Zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 10 (1), 88–97.

Vysotsky, V. (2009). Pis'mo v redakciyu televizionnoj peredachi "Ochevidnoe – neveroyatnoe" iz sumasshedshego doma s Kanatchikovej dachi (1977) [Letter to the editor of the television program "Obvious – Incredible" from the lunatic asylum from Kanatchikovaya dacha (1977)]. *Sobranie sochinenij v chetyryoh tomah* [Collected works in four volumes] (Vol. 2). Moscow: Vremya.

Wierzbicka, A. (1978). Metatekst v tekste [Metatext in the text]. In T.M. Nikolaeva (Ed.), *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk VIII. Lingvistika teksta* [New in foreign linguistics. Issue VIII. Linguistics of the text]. Moscow: Progress, 402–421.

Zenkin, S. (1998). Preodolennoe golovokruzhenie: Zherar Zhenett i sud'ba strukturalizma [Overcome dizziness: Gerard Genette and the fate of structuralism]. In G. Genette, *Figury* [Shapes] (Vols. 1–2). Moscow: Sabashnikovyh, 5–58.

Zholobova, Yu.S. (2012). Vozmozhnye podhody k opredeleniyu ponyatiya metatekstual'nosti [Possible approaches to the definition of the concept of metatextuality]. *Izvestiya Altajskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of the Altai State University], 2–1 (74), 131–133.

**BOOK OF POEMS BY T. KIBIROV “ON THE MARGINS OF ‘A SHROPSHIRE LAD’”
AS A METATEXTUAL PHENOMENON**

Ekaterina A. Abrosimova, PhD, Associate Professor, Omsk State Agrarian University (Omsk, Russia);
e-mail: abrosimova@inbox.ru.

Abstract. The article is devoted to the book of poems, “On the margins of ‘A Shropshire lad’” (2007) by Timur Kibirov. It is marginalia to the poetic cycle of Alfred Hausman “The Shropshire lad” (1896). The metatextual elements by which Kibirov indicates the connection of his texts with the poems of the English poet are considered. We identify such characteristics of the metatext as secondary to the main work and the expression of the author’s will, aimed at demonstrating the creative process to the reader.

Timur Kibirov marks his own words and forms a common intertextual field at the intersection of Hausman’s work, his own poetry and literary tradition in general. Original poems and marginalia are compared. The emphasis is placed on the graphic level of the book of poems: headings, epigraphs, notes, the use of italics, as well as cases of changing the language code. In the development of his creative input – total intertextual interplay – Kibirov writes a commentary on each of the 63 Hausman poems. Thus, the reader sees the places of coincidence and divergence of the Russian and English texts. A conclusion is made about the originality of the markers of the dialogue between the poetic cycles of Hausman and Kibirov, and about the specificity of the secondary markers, which reinforce the author’s beginning of the book of poems “On the margins of ‘A Shropshire lad’”.

Key words: Alfred Hausman, Timur Kibirov, metatext, marginalia, book of poetry, contemporary poetry, “On the margins of ‘A Shropshire lad’”.

